

Маркевич Борис

5.03.03.

Культура. — 2003. — 27 февр. — 5 марта. — с.8

Переживание пространства

Борис Маркевич в Музее личных коллекций

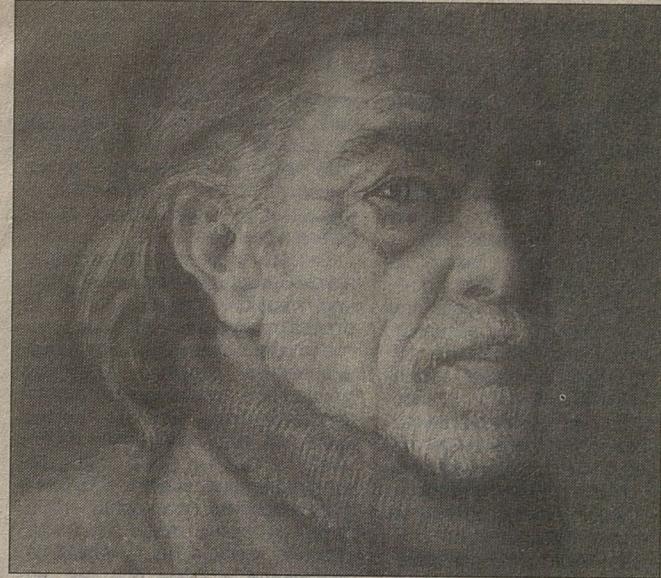
На пригласительном билете посмертной выставки Бориса Маркевича, открывшейся в Музее личных коллекций, воспроизведен мотив одного из его поздних натюрмортов: на густом, неопределенном мерцающем серо-коричневом фоне кругится и сияет золотистая капля.

Больше ничего на этом довольно большом листе нет: густившийся сумрак темного фона и пятнышко света, сконцентрированного медовой капелькой. Таков строй удивительной последней серии натюрмортов художника: маленький одинокий предмет (или тесная группа из двух-трех таких предметов) посреди пустоты насыщенного темного пространства. Элементарная простота этих несколько сумрачных акварелей ничуть не мешает их эмоциональной напряженности.

Нагротив.

Скупость мотива и отточенная четкость деталей, строгое равновесие форм и сдержанность красок концентрируют наш взгляд. Почти пустой темный лист притягивает к себе какой-то таинственной жизнью. Простые мелкие вещи — коробок спичек, кольцо, цветок в пузырьке, еще два пузырька, черный и белый, яйцо, ручка с пером и бутылочка чернил... Чем мельче вещица, тем активнее окружает и сжимает ее глиственный сумрак, и потому большие размеры заполненного им листа не кажутся чрезмерными для изображения этих мелочей. Между предметом и обтекающей его чуть вибрирующей средой возникают неясные связи. Тишина и одиночество, напряженное переживание таинственной сути вещей и обволакивающего их густого темного пространства составляют смысл этих работ, а не пузырьки и цветочки сами по себе... Художник и мудрец Владимир Фаворский считал "отношение предмета к пространству" основной характеристикой художественного стиля. Если так, стиль Маркевича выявлен в его акварельных натюрмортах с предельной остротой и отчетливостью.

Путь художника к этой последней, отточенной простоте был нетороплив. Впрочем, и его акварели 60—70-х годов по-своему были очень лаконичны, четко выстроены, сдержаны по краскам. Но отношения простых по форме и будничных по назначению предметов к неглубокому, всегда замкнутому пространству, в котором они размещались, лишены были тех масштабных контрастов и скрытого драматизма, которые поражают в поздних вещах. Здесь пространство организовано четко и строго. Предметы центрируют его, намечают чле-

Слева: "Автопортрет". 1985 г. Справа: иллюстрация к роману "Мастер и Маргарита". 1988—1989 гг.

нения и оси, придают определенный масштаб. У них простая, очень ясная пластика, они обобщены, лишены дробящих форму деталей. При всей их обыденности они не образуют картинок быта, в их размещении нет будничной случайности сочетаний. И потому они несколько отстранены от нас, обращены не к повседневности, но к вечным категориям Пространства и Времени. Поэтому его, бывало, сравнивали с итальянцем Моранди. А впрочем, Маркевич рационалистичнее, не скрывает отчетливой структурности своих пространственных построений.

Лишь в натюрмортах 80-х годов прозрачная прежде среда начинает густеть, выбириует и мерцает переливами света и теней, становится напряженной и драматичной, обволакивает и сжимает предметы, постепенно доводя их до знака, центрирующего пространство листа.

Есть сходные черты — некоторая замкнутость, скажность пространства, окружающего обобщенный силуэт женской фигуры в бревенчатых деревенских интерьерах Маркевича с их глубокими, густыми тенями и потоками золотистого света и в его неярких пейзажах с неглубоким пространством, замыкаемым плотными массами строений или деревьев.

Устойчиво скомпонованные, спокойные акварели Маркевича лишены импровизационной легкости, текучих расплывов, подвижности артистичного мазка — всего, что считается часто неотъемлемыми качествами самой техники. В этом специальном смысле они совсем не акварельны (в отличие от выставленных

по воле случая в соседних залах работ А.Фонвизина). У Маркевича это медленная, строгая техника, искусство неторопливого вживания в среду и в вещи. Таков акварельный мир этого мастера — устойчиво-спокойный, располагающий к неторопливому созерцанию...

Между тем в этом самом "тихом" Маркевиче жил как бы и еще один, совсем непохожий художник: изобретательный и подвижный, все время варьирующий свой графический язык, композиционные приемы и ритмы, порою ироничный, склонный к метафорам и гротеску. Он рисовал быстрым, нервным, нередко шаловливым пером, бросал на бумагу сочные пятна черной туши. Это — Маркевич- книжник, один из зачинателей нашей книжно-графической культуры второй половины XX века.

После скучно-традиционных, сухих, многословных и притом малосодержательных обложек, типичных для книг 1940—1950-х годов, динамичный эскиз Маркевича к обложке "Двенадцати" Блока (1956) — черный на красном фоне штык, обвитый овальным мазком снежного вихря, — утверждал смелую простоту ясного, но многозначного символа. Характерно, что, получив широкую известность, показанный на выставке и опубликованный в сборнике, он так и не был воплощен в книге: показался издателям чересчур свободным, "неправильным", может быть, "вредным"...

А Маркевич продолжал работать для книги живо и остроумно, делал острые по композиции обложки, где активную роль играл далекий от псевдоклассических канонов рису-

нок шрифта, изобретательный, до дерзости свободный, но при этом всегда гармоничный и изящный. В иллюстрациях он варьировал логорук рисунка, менял его строй и ритм в соответствии со стилистикой и эмоциональным напряжением текста.

С особой любовью иллюстрировал Маркевич рассказы Михаила Зощенко. Это была работа, занявшая полтора десятилетия (1971—1986), но ее продолжительность несколько не засущила рисунки. Художника привлекали не сюжеты и не коллекционирование "зощенковских типов", но прежде всего виртуозная стилистика писателя, изощренный, при всей его кажущейся "натуральности", зощенковский язык, которому он находил графические аналогии в самом ходе линии по бумаге, в ее кипризной кокетливости. "Графически Зощенко в моем воображении представлялся затейливым, прерывистым, определялся необычно живой гротесковой линией, прихотливой и не всегда логичной", — говорил художник.

На небольшой, поместившейся в двух залах выставке книжная графика Маркевича заняла сравнительно скромное место. Ее организаторы отдали первенство его "чистому" акварельному творчеству, к которому Борис Анисимович все более склонялся в последние годы. Нужно думать, что со временем более широкая и полная выставка работ Бориса Маркевича объединит и представит с должной полнотой обе эти линии его творчества.

Юрий ГЕРЧУК